

УДК 316.77 : 001.8; 070 : 001.8

ЧЕЙ ОТЕЦ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ СМИ? (ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ПОСЕССИВНЫХ СИНТАГМАХ СО СЛОВОМ *ОТЕЦ*)

М.И.Конюшкевич

WHOSE FATHER IS IN THE FOCUS OF THE MEDIA ATTENTION? (THE REGULARITIES IN THE POSSESSIVE SYNTAGMAS WITH THE WORD *FATHER*)

M.I.Konushkevich

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, marikon9@mail.ru

На материале контекстов с посессивной синтагмой «отец + одушевленный генитив», извлеченных методом сплошной выборки из газетного подкорпуса <http://www.ruscorpora.ru/>, продемонстрировано, что СМИ вольно или невольно искажают образ современного отца, тем самым они не только способствуют формированию определенных стереотипов и картины мира в целом, но и влияют на изменение отношения общества к человеческим ценностям.

Ключевые слова: контент-анализ, отец, СМИ, журналистский текст, посессив

Based on the contexts with a possessive syntagma «father + animated genitive», selected by the method of continuous sampling from the newspaper subcorpus <http://www.ruscorpora.ru/>, the author has demonstrated, that the media voluntarily or not distort the image of a modern father, thereby contribute not only to the formation of certain stereotypes and the picture of the world in general, but also influence the change of the society's attitude to human values.

Keywords: content analysis, father, the media, journalistic text, possessive

О речевом воздействии на массовое сознание существует огромная литература. Ограничимся лишь в качестве примера приведением отдельных работ, посвященных описанию практик НЛП [1], технологий речевого воздействия [2; 3; 4], механизмов языкового манипулирования [5; 6], причем сознательное речевое воздействие СМИ на массовое сознание столь велико, что возникла проблема экологии личности в медиaprостранстве [7; 8].

При этом решающую роль в этом воздействии играют интенция автора журналистского материала и используемые в соответствии с этой интенцией языковые средства, причем свою интенцию автор облекает не только в подходящие ономастические формы, но и прибегает к соответственным экспрессивным и аксиологическим средствам. И в этом отношении воздействие печатного журналистского текста сродни воздействию кадров, видимых зрителю.

Однако 25-й кадр, не заметный зрителю на уровне сознания, но запоминающийся на подсознательном уровне, во многом обуславливает выбор зрителя при покупке товара. Заметим, что «25-й кадр» имеется и в вербальном тексте. Выявить его можно с помощью метода контент-анализа, как и поступили авторы монографии [9]. Они выполнили лингвосемантический анализ переводного текста «Пи М для народа» Ника Тошеса на предмет аксиологичности лексики, выступающей вербальным репрезентантом концепта «Наркотики». Вся названная лексика была

распределена на три класса: лексика с отрицательной коннотацией, нейтральная и лексика с положительной коннотацией. Подсчеты показали, что нейтральная лексика и лексика с положительной коннотацией составили соответственно 58% и 28% (в сумме 86%), в то время как лексика с отрицательной коннотацией всего лишь 14%. Таким образом, вполне нейтральные лингвистические средства содержали пропаганду наркотиков. Едва ли писатель ставил такую задачу, но неосознанно выполнил он ее блестяще.

Нашей задачей стало тоже выявление «затекстового 25-го кадра», но по отношению к иному концепту и с помощью несколько иных приемов контент-анализа. В качестве концептуальной переменной взят концепт «Отец», а в качестве вербальных репрезентантов выступили посессивные синтагмы, реализующие модель «чей отец». Источником материала послужили контексты со словом *отец*, извлеченные из газетного списка Национального корпуса русского языка (НКРЯ), причем в силу огромного массива языкового материала мы ограничились контекстами только с начальной формой данного слова (им. п. ед.ч.).

В соответствии с заданной программой поиска было получено 12 326 документов при общем количестве газетного корпуса 332 720 документов, т. е. 1/27 часть газетного корпуса. Отметим, что все остальные вместе взятые 5 падежных форм слова *отец* в газетном корпусе составили 17 434 документа, т. е.

всего лишь в полтора раза больше, из чего делаем вывод о достаточной репрезентативности контекстов с начальной формой *отец* и о достаточной их диагностической и объяснительной силе.

Мы произвели сплошную выборку из газетного корпуса синтагмы только самой распространенной модели — «отец + одушевленный генитив»: типа *отец заложника, отец пятерых детей, отец Александра III*.

Рассмотрим подробнее указанные группы генитивов, доказывая их типичность не цифрами, а самими примерами, приводя их исчерпывающий в выборке список. Поскольку все контексты имеют один источник — НКРЯ, то для экономии места многие из них даются в редукции и без ссылок, а некоторые ссылки на более точный источник контекста даются избирательно, по мере необходимости в целях ясности высказываемых положений.

1. Модель «отец + форма род. п. нарицательного одушевленного существительного».

1.1. Материалы СМИ изобилуют негативными фактами, поэтому самой многочисленной группой детей являются персонажи криминальной хроники, названные нарицательными существительными, характеризующими а) деяние злодея: *отец убийцы / главного обвиняемого / подозреваемого / предполагаемого (а фактически уже однозначно названного им) террориста-смертника / подозреваемого в организации теракта / извращенца / нарушителя / смертницы / изменника Родины / изверга / дезертира* или б) состояние жертвы: *отец одного из убитых в школе ребят / пропавшего ребенка / пострадавшей малышки / скончавшегося новобранца / убитого / погибшего / пострадавшего / заложника / плачущей одноклассницы / погибших / одного из ослепших детей*.

В синтагмах данной группы отец предстает в двух ипостасях. С одной стороны, это жертва, независимо от того, в какой ипостаси, злодея или жертвы, выступает в публикуемых материалах его дитя; с другой, — он сам коррелирует с поступками своего отпрыска: *Угонщиком оказался родной отец заявителя; Отец лихача тоже грешил вождением мотоцикла в нетрезвом состоянии; Отец инициатора драки, директор лагеря Усольцев Михаил попытался уладить дело. Через некоторое время директор лагеря — отец Б.Усольцева, привел большую толпу местных жителей, которые учинили погром (Новый регион 2, 2010.07.27).*

1.2. Синтагмы, в которых отражены только отношения родства, но более широкий контекст выполняет дифференциацию детей по ряду признаков, представлены тремя разновидностями.

1) Группа преимущественно жертв: *отец девочки / первоклашки / малышки / девчонок / мальчика / одного из парней / одного из воспитанников / детей / ребенка / невесты / жениха*. В контексте: *Отец мальчика, которого свердловское министерство образования не хотело брать на Кремлевскую елку из-за диабета, умер в больнице от инфаркта*.

2) Немногочисленные номинации детей по роду занятий или по профессии не пересекаются с группой в п. 1.1. Исключение составила лишь одна

номинация: *Отец матроса до сих пор не может поверить в смерть сына*. В целом же такие номинации называют успешных детей, преимущественно спортсменов и политиков: *отец писателя / отец гонимика / чемпионки / теннисистки / чемпиона / отец одного из лидеров команды / тренер и одновременно отец юного спортсмена; отец политика страдал психическим заболеванием; Отец евродепутата, Витаутас Ландсбергис-Жямкальнис (1893—1993), во время Второй мировой войны уехал из Литвы в Германию*.

3) Выламывается из общего массива синтагма *отец ребенка (отец будущего ребенка)*, употребляемая только в тех материалах, в которых обсуждается проблема отцовства ребенка (обычно звездных мам).

2. Модель «отец + форма род. п. нарицательного одушевленного существительного, называющего определенное или неопределенное множество детей». Данная модель выполняет в тексте характеризующую функцию: на фоне называемого множества детей подчеркиваются

а) достоинства, авторитетное мнение и поступки, подтверждающие статус отца: *в свои 25 лет он уже отец двоих детей; очень серьезный человек, но в частной жизни это обаятельный отец четверых детей*; впечатление благопристойного гражданина: *военный, отец троих детей и внимательный сосед; прекрасный семьянин: женат, отец шестерых детей; футболист и отец трех сыновей; отец двух несовершеннолетних дочерей; я, как добропорядочный отец семейства, должен ходить, опустив глаза, — вокруг столько соблазнительных женщин!; уже сам отец двоих взрослых сыновей; заботливый отец чахнувших, но умных, даровитых, хорошо воспитанных детей*;

б) или, наоборот, характеристики и действия, идущие вразрез с ним: *отец четырех детей в пьяном угаре набросился на свою жену и начал душить ее; недавно предстал перед судом отец пятерых несовершеннолетних детей; отец многодетной семьи, которую бросил несколько лет назад*.

Контексты, как правило, подтверждают мотивирующий характер таких синтагм: *Американцы утверждают, что контрразведчик, ветеран и отец шестерых детей, из 27 лет своей службы в ФБР 15 работал на Москву («КП», 2001.02.21); Скорее всего, администрация предприятия опасается, как бы отец многодетного семейства не потребовал квартиры (Труд-7, 2000.09.05); Писатель Григорий Остер, отец пятерых детей: - Считаю, что карманные деньги взрослеющим детям необходимы (НКРЯ); Отец семерых детей, из которых пятеро — сыновья, Мел не горит желанием становиться в ближайшее время дедом («КП», 2002.06.04)). Отец семейства схватил «поучительный» ремень и без словесных внушений налетел на сына (Родители забили 6-летнего сына ремнем. Насмерть // «КП», 2002.07.01).*

3. Модель «отец + форма род. п. одушевленного имени собственного» представлена двумя разновидностями. В одной из них ИС называет конкретного референта (*отец Юрия / Ксюши / Вали*); данные

синтагмы в силу их конкретной референтности здесь не рассматриваются. Отметим лишь, что большинство из них относится к материалам из криминальной хроники, а содержание контекстов только добавляет число негативных случаев к группам, охарактеризованным в п. 1. К примеру: *Вот только что приходил убитый горем отец 24-летнего Владимира Фокина, скончавшегося в воскресенье в больнице Пятигорска; Отец Сережи — мариупольский бизнесмен Аркадий Иванович Шадрин сразу же обратился за помощью в милицию.*

Во второй разновидности синтагм называются имена выдающихся детей — популярных исторических личностей, глав государств, политиков, ученых, спортсменов: *отец Катутла / президента / Заменгофа / Калинина / Брюсова / Марадоны / Екатерины Великой; отец Елизаветы II король Георг VI; Николай Николаевич Озеров (отец известного спортивного комментатора, тоже Николая Николаевича); мэр Чикаго Ричард Дейли (отец нынешнего мэра Ричарда Дейли младшего).*

Обращение к именам великих детей вызвано желанием журналистов:

а) показать диссонанс между отцом и сыном и тем самым дискредитировать обоих, несмотря на заслуги одного из них: *Как говорит Завен Саргсян, отец Параджанова после революции был осужден на три года за то, что содержал публичный дом "Семейный уют" (Труд-7, 2004.01.14); Там была приведена фотография 60-летней давности, где среди немецких офицеров и власовцев, которые принимали участие в подавлении Варшавского восстания в августе 1944 года, в казачьей форме стоит якобы отец российского президента — Владимир Путин (Д.Кириллова. Автор скандальных книг, бывший офицер ГРУ Виктор Суворов: Это подлость, рассчитанная очень хитро // «КП», 2003.08.15); Из них следует, что отец актера Густав Шварценеггер был фашистом, участником карательных экспедиций в Польшу, Франции и СССР («КП», 2003.08.18);*

б) подчеркнуть значимость достижений сына и тем самым подчеркнуть генетическую связь успешности: *выдающийся советский учёный В.М. (отец Н.В.Бехтерева); Главную городскую команду тренирует Валерий Васильевич Казаков, между прочим, отец Владимира Казакова, который играет в столичном «Торпедо» (Труд-7, 2000.08.12);*

в) подчеркнуть собственную значимость, позиционируя даже отдаленную импонирующую связь с популярной личностью: *Позже выяснилось, что тогдашнее руководство — Даниэль Дардэ и Рене Тавернье (кстати, участник Сопротивления, отец известного режиссера Бертрана Тавернье) — поклонники моего творчества... (А. Неверов. Свет в черном зеркале // Труд-7, 2000.05.30);*

г) просто дать более полную информацию о герое материала: *отец британского премьера сначала был госпитализирован в Йере; Отец президента Татарстана Рустама Минниханова служил на Тихоокеанском флоте; Отец академика Иван Карпович Алферов еще до октября 1917 вступил в Минске в большевистскую партию, до конца жизни был*

убежденным коммунистом, и двух своих сыновей назвал соответствующе: старшего — Марксом (он погиб в Великую Отечественную), младшего — Жоресом (в честь создателя социалистической партии француза Жана Жореса).

В юмористических целях вместо ссылки на отца может быть использована ссылка известного сына: *Маршал Василевский иногда, представляясь, в шутку говорил: «Я — отец известного архитектора Василевского» (О.Вандышева. Как живут потомки полководцев победы? // «КП», 2001.05.04).*

Нередко в стилистических целях имя собственное заменяется перифразой в силу узнаваемости популярного лица, а приемом экспрессии является лишь противопоставление сына или дочери отцу, причем на первый план выступает ретро-перспективная аранжировка проблемы отцов и детей в смысле, представляющем парадокс: «дети не только не оправдывают усилия отцов, но и уничтожают все, что те сделали». Например: *Мог ли подумать тогда лидер мирового коммунизма, что его сын станет гражданином именно той страны, которую его отец, отчаявшись догнать «по молоку, мясу и маслу», пообещал зарыть с помощью сахаровской супербомбы? (Н.Черкашин. Карибская коррида // Труд-7, 2000.06.07). Аналогичный пример из белорусской газеты: Парадокс истории состоит в том, что внучка декабриста, дочь писателя, воспевавшего подвиг советских солдат в романе «Брестская крепость», вышла замуж за человека по фамилии Чубайс (С.Гордиенко // «СБ. Беларусь Сегодня»).*

А в Западной Европе синтагма *отец кого* приобрела свойство нового знака: *Тинейджеры в возрасте 17 лет все чаще обращаются друг к другу не по имени, а «отец такого-то», сознательно выбирая себе эти своеобразные псевдонимы, принятые у «воинов джихада»... (Труд-7, 2002.07.27).*

О том, что поссесивные отношения рассматриваемой модели довольно прочно закрепились в языковом сознании как носители добавочных смыслов с мелиоративной или пейоративной окраской, свидетельствует не только факт их многочисленного употребления при описании различных событий, но и их стилистически маркирующие функции. Так, получила широкое распространение модель *отец чего* типа *отец русской демократии*, вызывающая не меньший исследовательский интерес, рассмотреть которую здесь в силу ограниченных рамок статьи не представляется возможным.

Таким образом, СМИ оказывают речевое воздействие не только осознанно, но и своими неосознанно — предпочтениями в тематике событий и в средствах их вербализации. Кучность использования тех или иных номинаций и оценок в печатном тексте оказывает, подобно 25-му кадру на экране, воздействие на подсознание реципиента и тем самым может искажать явление, формировать определенные стереотипы, влияющие на изменение отношения общества к человеческим ценностям. СМИ должны отдавать себе отчет в том, какую картину мира они формируют, увлекаясь собственными предпочтениями.

1. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Университетская книга, 2000. 314 с.
2. Баранов А.Н. Язык — инструмент лжи или средство прояснения истины? // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000. С. 159-161.
3. Кетова А.Ю. Воздействующий потенциал делового медиатекста: постановка проблемы // Журналистика и культура речи. 2013. № 1. С. 51-57.
4. Осокина С.А. Языковые механизмы воздействия на человека: монография. Барнаул, 2007. 224 с.
5. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. М.: Эксмо, 2003. 381 с.
6. Рюмшина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе: Учеб. пос. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов-н/Д: МарТ, 2004. 240 с.
7. Воробьев В.П., Степанов В.А. Проблемное поле медиаэкологии: опыт демаркации научного направления // Вестник БДУ. Сер. 4. 2011. № 2. С. 86-90.
8. Конюшкевич М.И. Экология языка и языковой личности в медиaprостранстве // Социальные и гуманитарные науки: образование и общество: Сб. статей. Н.Новгород, 2014. С. 16-22.
9. Потапова Р.К., Потапов В.В. Семантическое поле «наркотики». Дискурс как объект прикладной лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. 190 с.

References

1. Dilts R. Fokusy yazyka. Izmenenie ubezhdeniy s pomosh-

ch'yu NLP [Changing Belief Systems with NLP]. Saint Petersburg, 2000. 314 p.

2. Baranov A.N. Yazyk — instrument lzhi ili sredstvo proyasneniya istiny? [Is language a tool of lies or the truth?]. Reklamnyy tekst. Semiotika i lingvistika. Moscow, 2000, pp. 159-161.
3. Ketova A.Yu. Vozdeystvuyushchiy potentsial delovogo mediateksta: postanovka problemy [The potential of influence of business media text: problem formulation]. Zhurnalistika i kul'tura rechi, 2013, no. 1, pp. 51-57.
4. Osokina S.A. Yazykovye mekhanizmy vozdeystviya na cheloveka: monografiya [Language mechanisms of influence on human]. Barnaul, 2007. 224 p.
5. Grachev G.V., Mel'nik I.K. Manipulirovanie lichnost'yu [Manipulation of personality]. Moscow, 2003. 381 p.
6. Ryumshina L.I. Manipulyativnye priemy v reklame: Ucheb. pos [Manipulative techniques in advertising]. Moscow; Rostov-on-Don, 2004. 240 p.
7. Vorob'ev V.P., Stepanov V.A. Problemnoe pole mediaekologii: opyt demarkatsii nauchnogo napravleniya [Mediaecology: problems and boundaries of scientific range]. Vesnik BDU, Ser. 4, 2011, no. 2, pp. 86-90.
8. Konyushkevich M.I. Ekologiya yazyka i yazykovoy lichnosti v mediaprostranstve [Ecology of language and person in media space]. Coll. papers "Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: obrazovanie i obshchestvo". Nizhniy Novgorod, 2014, pp. 16-22. (In Russ.).
9. Potapova R.K., Potapov V.V. Semanticheskoe pole "narkotiki". Diskurs kak ob"ekt prikladnoy lingvistiki [Semantic field "drugs": discourse as an object of applied linguistics]. Moscow, 2004. 190 p.